

Дочери Полоза

Зов проклятой крови

18+

Ксения Фир

Дочери Полоза. Зов проклятой крови

<https://litres.ru/74058093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они — последние. Им нельзя называть свои имена. Нельзя доверять людям. Нельзя отступать.

Мора и Люта — две ведьмы, наследницы древнего уральского рода. Их сила — проклятие. Их существование — тайна. Но когда по Челябинску прокатывается волна загадочных смертей, сёстры берутся за расследование. Домовые, банники, лешие и древняя чужь белоглазая — все они связаны одной нитью, которая ведёт под город, в самое сердце Урала.

Вдвоём против целого мира. Без права на ошибку. Без права быть собой.

«Дочери Полоза. Зов проклятой крови» — мрачное и дерзкое городское фэнтези о двух сёстрах, которые рискуют всем, чтобы сохранить то, что уже потеряно.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ксения Фир

Дочери Полоза. Зов проклятой крови

Пролог.

Челябинск, ночь, старая квартира.

Звонок из-под пола

— У тебя есть зажигалка?

— Я только что дала тебе, — Люта не обернулась. Она стояла у открытого окна, вглядываясь в темноту двора-колодца, откуда тянуло сыростью и прелым листом. Челябинская ночь дышала промышленным смогом и холодом.

— Я потеряла.

— Ты не потеряла, ты засунула в карман моих джинсов, потому что у тебя вечно нет свободных карманов. Я видела.

Мора сунула руку в карман Лютиных штанов, вытащила зажигалку, не глядя, и прикурила. Сигарета вспыхнула ровно в тот момент, когда в квартире погас свет.

— Ну конечно, — выдохнула Люта, глядя на потухшую люстру. — Опять домовой. Я же говорила — не надо было его кормить тем хлебом, он у тебя был чёрствый.

— Он был не чёрствый, он был поджаренный.

— То есть ты ему тост скормила?

— Он был с маслом.

— Мора, ты идиотка. Домовые любят свежий хлеб, а не тосты с маслом. Теперь он обиделся и решил отомстить.

— Он не обиделся, — Мора выдохнула дым в потолок и щёлкнула пальцами. Свет зажегся снова, но тут же погас — с противным звоном перегоревшей лампы. — Он нас зовёт.

— Куда?

— В подвал. Чувствуешь?

Люта на секунду замерла, прикрыв глаза. Потом кивнула.

— Запах. Как в могиле, только с привкусом гнилой капусты.

— Это чужь. Она под нами. Там, где бетонные плиты треснули ещё в девяностых.

Мора затушила сигарету о край подоконника, взяла вторую, но не зажгла — сунула за ухо, для запаса.

— Обувайся. Идём.

— Куда идём? Это же наш дом, — удивилась Люта.

— Наш дом — это квартира. А подвал — уже не наш. Там живёт то, что мы не звали. И судя по тому, что свет погас трижды, оно хочет, чтобы мы спустились.

Мора накинула куртку, сунула в карман связку ключей и сделала шаг к двери.

— Зачем мы идём? — спросила Люта, но уже завязывала шнурки.

— За тем же, за чем всегда, — ответила Мора, не оборо-

чиваясь. — Узнать, кто умер, и сделать вид, что мы здесь случайно. Аминь, — добавила она с лёгкой усмешкой.

Люта застыла на секунду, а потом ухмыльнулась.

— Ты сказала «аминь». Теперь ты официально заразилась.

— Пошли, пока я не передумала.

Они вышли в ночь Челябинска, оставив дверь незапертой — домовый всё равно не пустит никого чужого, а своих не закроет.

Глава 1.

Подвал с характером.

В подвал вели три лестницы — парадная, чёрная и та, которую никто не замечал до тех пор, пока не начинал пахнуть трупный запах. Сёстры пользовались последней, не из придури, просто обычно это по их части, когда всё тайное хочет стать явным.

Люта шла впереди, подсвечивая фонариком на телефоне. Мора замыкала и держала в свободной руке раскрытый гримуар — книга сама подсвечивала страницы тусклым голубоватым светом, в котором проступали знаки, которых не было пять минут назад.

— Ты видишь, что он пишет? — спросила Люта, не оборачиваясь.

— Вижу, — Мора затянулась и выдохнула дым сквозь зубы. — «Не спускайся». Буквально: «Не спускайся. Там смерть». Но я не послушалась, потому что я — ведьма, и, если бы я слушалась книг, я бы сейчас сидела в библиотеке и пила ромашковый чай.

— Ты ненавидишь ромашковый чай.

— Я ненавижу смерть, которая стучится снизу. Так что ромашка — меньшее из моих зол.

- Обычно он у тебя не пишет так кардинально, что сегодня

за день.

- Ты правда думаешь, что я слежу за тем, какая хренотень сегодня может всплыть? Нет, это не ко мне. А то, что он себя так ведёт, тоже не ясно, может решил обзавестись маразмом, всё же ему больше тысячи лет, он древнейший гримуар.

- Ты его сейчас обидишь, - посмеялась Люта.

- Я тоже могу на него обидеться.

Они спустились. Бетонный пол был влажным, покрытым чёрным налётом — то ли плесень, то ли копоть, то ли то, что остаётся после того, как нечисть задерживается на одном месте слишком долго. Воздух был густой, холодный, и пахло в нём не просто сыростью — пахло железом и чем-то сладковатым, как увядшие цветы. Челябинский подвал пах металлом и временем.

— Кровь, — тихо сказала Люта. — Свежая.

— Я знаю, — Мора посветила гримуаром вперёд. В углу лежало тело. Мужчина, средних лет, в рваной рубашке, лицо прикрыто руками — будто он закрывался от чего-то. На бетоне вокруг него — аккуратные полосы, словно кто-то прочертил их ногтём, и в этих бороздах засохла кровь.

— Он не человек, — сказала Люта.

— Ты про труп или про того, кто его убил?

— И про то, и про то. Посмотри на пальцы.

Мора подошла ближе, присела на корточки, не выпуская сигарету изо рта. Осторожно отодвинула руку трупа. Под ней — не лицо, а маска. Серая, безглазая, с прорезью для рта,

зашитая грубой ниткой.

— Чудь, — сказала Мора. — Бывшая чудь. Он был человеком, но что-то превратило его в это. А потом убило.

— Домовой?

— Может быть. — Мора встала, стряхнула пепел на пол.

— В этом подвале кто-то живёт. И он не рад гостям.

Как по команде, в глубине подвала что-то закрипело — тягуче, с противным визгом. Будто дерево тёрлось о бетон. Потом раздался глухой удар, и в темноте зажглись два глаза — маленькие, жёлтые, как у кота, но слишком умные.

— Домовой, — выдохнула Люта. — Только он не наш.

— А чей?

— Наверное, того, кто умер. — Люта сделала шаг вперёд.

— Эй, бабушка, мы не тронем твой дом. Мы просто посмотрим.

В ответ — шипение, и из темноты вылетела пустая бутылка, разбившись о стену в сантиметре от Лютиной головы.

— Осторожнее, — сказала Мора, даже не вздрогнув. — Он не любит, когда с ним разговаривают на «ты».

— А как с ним разговаривать?

— На «вы», с уважением. И с мёдом. У тебя есть мёд?

— У меня есть сигареты.

— Не подойдёт. Он не курит.

Мора шагнула вперёд, положила гримуар на пол, достала из кармана маленькую баночку — она всегда носила с собой мёд, потому что мёд для домовых — как масло для хлеба, да

и любая нечисть ведётся на сладкое.

— Слышишь, хозяин, — сказала она мягко, почти вкрадчиво. — Мы пришли не воевать. Ты убил того, кто лежит здесь. Мы не осуждаем. Мы просто хотим узнать, почему.

Глаза мигнули, и из темноты вылезло существо — мелкое, сутулое, с длинной бородой до колен и лысиной, в рваном тулупе. Он был похож на старика, но двигался с неестественной лёгкостью. И в руках держал старый кованый гвоздь — оружие, которым, вероятно, и убили жертву.

— Он хотел забрать мой угол, — проскрипел домовый. Голос его был как скрип несмазанных петель. — Пришёл с ломом, хотел разломать мою печку. А печка — это мой дом. Там моя жена, мои дети. Я не мог позволить.

— Ты его убил, — сказала Люта с неподдельным интересом. — Но ты же домовый, вы не убиваете людей.

— Этот не был человеком. Он был чудью. Перевёртышем. Он притворялся человеком, но внутри у него была пустота. Я видел, когда он открыл рот — там не было языка, только тьма.

Мора и Люта переглянулись. Мора выдохнула дым и погасила сигарету о подошву кроссовка.

— Чудь белоглазая, — тихо сказала она. — Она начала просыпаться. Ты не первый, кто встретил такого.

— А ты? — спросил домовый, прищурившись. — Ты ведьма. Почему ты не чуешь?

— Чую, — ответила Мора. — Но я не знаю, где гнездо.

Ты не видел, откуда он пришёл?

Домовой замялся. Потупился. Потом кивнул в сторону дальней стены, где была трещина в полу — широкая, тёмная, и из неё шёл холодный ветер.

— Оттуда, — сказал он. — Из дыры. Она открылась неделю назад. Там что-то дышит. Я не хожу туда. Не хожу и тебе не советую.

Люта уже стояла у трещины, заглядывая вниз. Оттуда тянуло запахом гнили и озона — как после грозы, только гуще и страшнее.

— Там лестница, — сказала она. — Каменная. Уходит вниз.

— Не ходи, — повторил домовой. — Это не для живых.

Люта обернулась к Море с усмешкой.

— Слышишь? Он говорит «не ходи». Мы же не слушаем, правда?

— Мы никогда не слушаем, — ответила Мора. Она зажгла свечу и подошла к трещине. — Но он прав. Нам нужны припасы. Гримуар, руны, полный бак бензина. И тебе, дедушка, спасибо. За информацию.

Мора положила баночку с мёдом на пол.

— Это тебе. За мир.

Домовой поклонился, взял баночку и исчез в темноте.

— Уходите, — донеслось оттуда. — И больше не возвращайтесь.

— Не вернёмся, — сказала Люта, уже направляясь к лест-

нице. — Мы найдём другой вход.

— Мы пойдём через коллектор, — добавила Мора, направляя гримуар. — Там карта подземных ходов. Я видела её в гримуаре.

— А если там тоже чужь?

— Тогда мы её спросим, — усмехнулась Мора, — не хочет ли она поговорить. Если нет — заморозим. У тебя хватит сил?

— А у тебя — сигарет, чтобы как всегда перекурить пока я работаю? — парировала Люта.

— Всегда.

— Тогда пошли. — Люта взяла ключи от машины, помахала ими перед носом сестры. — Только без дураков. Аминь.

— Без дураков. — Мора затянулась, выдохнула в потолок и добавила: — Аминь.

Они вышли из подвала, не оглядываясь. Снаружи морозный воздух Челябинска ударил в лицо, смешиваясь с запахом дыма, бензина и приближающейся бури.

— Куда теперь? — спросила Люта, уже направляясь к водительской двери чёрной «десятки».

— В центр. Там старая баня. Говорят, в ней недавно кто-то пропал. И это связано с тем, что в трещине.

— Ты думаешь, это одно и то же?

— Я ничего не думаю, — ответила Мора, открывая пассажирскую дверь. — Я знаю.

Люта села за руль, захлопнула дверь, завела двигатель с

полуоборота — машина взревела, как живая, и сорвалась с места в туманную ночь Челябинска. Мора прикурила очередную сигарету и выпустила дым в приоткрытое окно, дурацкая привычка, но бросить всё не получается.

— Гони, — сказала она. — И без резких поворотов, а то я тебе гримуаром по голове дам.

— Ты без рукоприкладства не умеешь, — усмехнулась Люта, вжимая педаль в пол. — Но я рискну, вдруг ты подобрела.

- Неа – усмехнулась Мора.

Чёрная «десятка» скрылась за поворотом, оставляя за собой шлей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.